

Александр А. ВИСЛОВ

ИГРА В ПРАВДУ ИЛИ ВЗАПРАВДАШНЯЯ ЖИЗНЬ?

**АНТИПАТРИОТИЧНЫЕ ЗАМЕТКИ ТЕАТРАЛЬНОГО КРИТИКА
С ПОЧЕРПНУТЫМИ ИЗ ВСЕМИРНОЙ ПАУТИНЫ ЦИФРАМИ И ФАКТАМИ В РУКАХ**

Сегодня для того чтобы произвести некий профессиональный анализ и сделать на его основе более или менее далеко идущие выводы, представителям даже нашей – испокон веку исключительно ногами кормящейся – отрасли «критического знания» вовсе не обязательно выходить из дому и еще и еще раз снова отправляться туда, где море огней. Достаточно включить компьютер и войти в интернет – перед вами на многих тысячах театральных сайтов готово открыться целый океан взыскующей, как минимум, к напряженному размышлению самой что ни на есть актуальной информации. Мудрецу, как известно, для доказательства существования океана хватает всего одной капли. Мы не то чтобы убеждены в собственной мудрости (о которой, кроме всего прочего, не нам судить), однако...

Для начала огласим – списком, через запятую – ряд названий. Итак: «Ревизор» (12+), «Проделки Ханумы» (12+), «Тетка из Бразилии» (12+), «Провинциальные анекдоты» (12+), «Контракт или Месье заплатит за все!» (12+), «Подарок к Рождеству» («Клинический случай») (12+), «Как боги» (12+), «Беда от нежного сердца» (12+), «Шикарная свадьба» (12+), «День рождения кота Леопольда» (0+), еще раз «Как боги» (12+), еще раз «Проделки Ханумы» (12+), «Я встретил вас...» (18+), «...Огонь страстей желанных!» (12+),

снова «Провинциальные анекдоты» (12+), «По щучьему велению» (0+), «Коварство и любовь» (16+), «Оскар, или Как украсть миллион» (12+), «Мышеловка» (12+), «Очень простая история» (12+).

Проницательный читатель, наверное, успел догадаться: перед нами подневный месячный репертуар одного из российских театров, вынутый из интернета почти наугад и, что называется, актуальный (т.е., относящийся к весне нынешнего, 2016 г. от Р. Х.). Театр этот – «областной», старинный, многоярусный, с богатой, отмеченной многими славными страницами историей. Более конкретная информация, в сущности, не нужна – по причинам, которые с достаточной, надеемся, степенью убедительности будут раскрыты чуть ниже.

Теперь же, если позволите, вопрос: какие мысли и чувства вызывает у вас по прочтении указанный список?

Кто-то, полагаем, воспримет его исключительно в положительно плане: «А что? Сбалансированная афиша – есть место и классике, и современным авторам, как нашим драматургам, так и зарубежным. Не забыт ни юный зритель, ни человек постарше. Одним словом, руководство – молодцы, свое дело знают туго! За их и вверенного им заведения будущность, кажется, можно быть совершенно спокойным».

Забегая опять-таки вперед, заметим на это – пускай, пока и несколько голословно, – что перспективы театральной публики региона отнюдь не представляются столь же безмятежными.

Кто-то, не исключаем, будет слегка заинтригован присутствием в вышеприведенном ряду среди названий достаточно общеизвестных – пары загадочных. Удовлетворим возможное любопытство, тем более что это позволит попутно по достоинству оценить всю степень «креативности» в деле борьбы за привлечение внимания почтенной публики. Так вот: за волнующим кровью «Огнем страстей» скрываются два знаменитых чеховских водевиля (находчиво, ничего не скажешь; а то ведь, неровен час, можно было обмануться, решив, что «Медведь» – драма из быта охотников, а «Предложение» – зарисовка из жизни коммерсантов). Хрестоматийным же тютчевским «Я встретил вас...» на афише маркируется еще один спектакль из двух одноактных пьес – на сей раз сочетание куда более неожиданное: «Провинциалка» Тургенева и «Мишура», принадлежащая перу одной из актрис, служащей в труппе неназываемого нами театра.

«Вычислить» его на один клик не составит никакого труда: были даны – ради чистоты эксперимента – две слишком характерные метки. Но мы призываем этого не делать, ибо видим свою задачу вовсе не в том, чтобы подвергнуть остракизму конкретное театрально-зрелищное предприятие, посетовать на сугубую вялость и досадную неоригинальность его афиши (а она, по нашему твердому мнению, именно такова – вяловата и мало оригинальна), но в попытке порассуждать об особенностях современной

репертуарной политики российской провинции в целом, отталкиваясь от довольно красноречивого, весьма типического примера. Тем более что приведенный репертуар – будем справедливы – все же не из одних только общих драматургических мест состоит. Тут есть Шиллер и Вампилов – авторы, далеко не самые заезженные нынешними подмостками (к слову сказать, и названия у этих авторов вполне себе «кассовые», не то что у «Тетки Чарлея» Брэндона Томаса и «Ханумы» Цагарели/Рацера-Константинова, потребовавших некоей «коррекции»). Здесь имеется и исключительно оригинальный проект – тот самый спектакль «Я встретил вас...», смело соединивший «Провинциалку» с «Мишурой» – и это репертуарное ноу-хау, пожалуй, единственное, что в рассматриваемой афише по-настоящему интригует, что останавливает на себе внимание театрального критика...

– Ну вот, мы и проговорились! – с жаром воскликнет, как можно представить, в этом месте наш оппонент (тот самый, что посчитал отправной список сбалансированным и крепко сшитым). – Вечно вы все на свой критический аршин меряете, а он разве что колом может встать между актерами и публикой города. Сколько уже можно говорить: театр существует не для вас, критиков, вам ведь только дай волю – затерроризируйте нас своим ужасным Пряжкой, или, в крайнем случае, Беккетом¹. Театр – он, батенька, для людей-с. А люди, нравится вам это, или нет – хотят сегодня видеть на сцене Гоголя и Юрия Полякова. Слышите вы: Гоголя и Юрия Полякова!..

Спор этот сколь старинный, столь, кажется, и бесперспективный – ни одна из сторон не готова слышать и воспринимать никакие из

¹ См.: статью Н. Скорород в наст. изд. С. 128–129

Pro настоящее

аргументов. Но мы все же попробуем привести в качестве развернутого довода еще один список.

Вот он: «Михаэль Кольхаас» по новелле Генриха фон Клейста, «Покорность» по роману Мишеля Уэльбека, «Идиот» по роману Федора Достоевского, «Повелитель мух» по роману Уильяма Голдинга, «Трое в снегу» Эриха Кестнера, «Слуга двух господ» Карло Гольдони, «Экономический принцип – две сатиры» (здесь также весьма любопытное сочетание: «Крокодила» Достоевского и булгаковских «Похождений Чичикова»), «Чик» по роману Вольфганга Херрндорфа, еще раз «Покорность», «Террор» Фердинанда фон Шираха, причем дважды подряд, еще раз «Михаэль Кольхаас», «Страна завтрашнего дня» (с разъясняющим жанровым определением: это «вечер встречи с горожанами и горожанками», недавно приехавшими сюда с Востока), снова «Покорность», «Граф Эдерленд / Мы – народ» (еще одна оригинальная конструкция по пьесе Макса Фриша и «текстам горожан и горожанок», на сей раз, надо понимать, коренных). Далее следует «сложносочиненное» слово из 28-ми букв, которое мы переводить не беремся (однако не преминем заметить, что оригинальное название этого монолога Стефано Массини построено на языковой игре, соединяющей воедино «веру в единого бога» и «одну ненависть»), следом – «Похищение сабинянок», шванк братьев Франца и Пауля фон Шентан...

Наверное, достаточно? Мы привели репертуар (сомнений, в том, что это снова какой-то репертуар, наверное, не возникло ни малейших, при том, что, собственно, пьес во втором перечне – раз-два и обчелся) лишь десяти первых дней

того же весеннего месяца того же нынешнего года. За этот период труппа первого театра успела дать только четыре представления, включая «Проделки Ханумы» и «Тетку из Бразилии». Да, еще однажды – справедливости ради заметим – сцена была предоставлена коллегам из «Артели» N-ских [местных] артистов», взошедшей на сцену городского драмтеатра с... Ну, любезный читатель, попробуйте угадать, с чем взошла на выдавшую виды сцену драматического театра компания людей, позиционирующих себя как «творческий союз» и первая антреприза в городе, которая (по идее) должна гореть огнем страстей в желании привнести на старые заслуженные подмостки новые формы и свежее слово? Может, она взошла сюда со словом нобелевского лауреата Светланы Алексиевич?.. Нет! Может быть, со спектаклем по роману Захара Прилепина, или кого-то из иных видных современных российских писателей?.. Тоже, нет! С каким-то самостоятельным сценическим сочинением, посвященным, скажем, гению места – родине их «Артели» и их театра – благо опыт т. н. «городских вербатимов» весьма успешно освоен за последние годы не одним коллективом в самых разных регионах? И опять неверный ответ! Значит, на худой конец, с сочинением Ивана Вырыпаева?.. Нет, нет и еще раз нет! Не угадали...

«Артель» предъявила городу и миру «детектив» Ф. Лелюша «Игра в правду». Сам по себе этот выбор не поставишь в упрек – «хорошо сделанная» французская комедия, в Москве 8-й сезон как идет с участием Гоши Куценко и неизменным успехом. Но в столице – слава богу! – предложение театральных зрелищ самого разнообразного

характера достаточно широко, способно, что называется, удовлетворить как самый взыскательный, так и демонстративно невзыскательный вкус. А в городе, о котором мы ведем речь, выбор куда скромнее. Либо наши «вечные спутники» Клод Манье с Ивом Жамиаком в «государственном» исполнении, либо Филипп Лелюш – в «частном». Тем более что актеры тут – будем уж играть в правду до конца и раскрывать секреты Полишинелей – не какие-то пришлые комедианты. Все служат в драматическом театре и выходят в качестве артельщиков на знакомую до боли сцену из своих же гримерок. Впрочем, ставить окончательный знак равенства между парижскими замашками двух родственных организаций с разными формами собственности все же не стоит: пьеса Лелюша датирована 2005 г., и по сравнению с «Контрактом или Месье заплатит за все!», то бишь «Месье Амилкарком» Ива Жамиака (1974), не говоря уже об «Оскаре» Клода Манье (1958), является, несомненно, куда более новым словом. Хотя главного вопроса – стоило ли огород городить (в смысле, заводить «Артель»), чтобы играть под ее маркой примерно то же самое натужное смешенье французского с нижегородским?² – это не снимает.

Однако пора уже от попыток разобраться в специфике отечественной антрепризы – надо сказать, наводящих заведомое уныние – вернуться к материи не в пример более увлекательной. Мы на время оставили подробное изучение афиши театра № 2, отнюдь не исчерпав всю предлагаемую ею к размышлению информацию. Помимо 17-ти вышеперечисленных спектаклей текущего репертуара, театр провел за эти дни еще восемь «официальных

мероприятий», включая встречу со своим будущим генеральным интендантом (он займет этот пост со следующего сезона), конкурс юношеских мультимедийных работ под интригующим названием «Шалости», два гастрольных показа шекспировской «Бури» в исполнении знаменитого венского Бургтеатра, а также шоу «Бродвей» популярного телеведущего, певца и музыканта Гетца Альсмана.

И здесь перед нами во всей его суровой простоте неизбежно встает еще один вопрос. А именно: что означает данное ровным счетом пятикратное (5 против 25-ти) превосходство одного театра над другим в творческой и прочей активности? Все возможные упреки в некорректности такого сопоставления мы сразу же отвергнем, поскольку ради вящей чистоты эксперимента, постарались сопоставить объекты с максимально сходными «заданными параметрами». В обоих случаях мы имеем дело с главными драматическими сценами городов, каждый из которых стоит на одной из больших и главных рек своей страны и является «крупным промышленным, транспортным и культурным центром». Что особенно важно: число населения этих городов, согласно последним статистическим данным, практически идентично (в каждом проживает пятьсот тридцать с небольшим тысяч жителей) – следовательно, потенциальная зрительская аудитория также равна. Так неужели же – продолжаем мы вопрошать – публика одного из этих городов настолько менее художественно восприимчива, настолько меньше ценит свою драматическую сцену и любит своих актеров?

Мы не знаем, насколько удачными вышли в одном российском городе,

² Автор просит не воспринимать употребление данного крылатого выражения в качестве прямой отсылки. Речь в статье идет отнюдь не о Нижнем Новгороде. Это совсем другой город.

Pro настоящее

в котором нам, к сожалению, до сих пор ни разу не доводилось побывать «Ревизор» и «Провинциальные анекдоты». Более того, мы, сколько себя помним, вообще никогда не видели ни одного спектакля этого коллектива – ни «вживую», ни на видеозаписи (и это абсолютное незнание послужило еще одним дополнительным фактором при выборе его репертуара в качестве «точки отсчета», залогом некоей заведомой беспристрастности). И потому, в принципе, готовы предположить, что бессмертная комедия Н.В. Гоголя выглядит здесь на загляденье свежей и не трафаретной, а вампиловские «Анекдоты» – не говоря уже о «Проделках Ханумы» и «Тетки из Бразилии» – переливаются всеми ярчайшими красками, рождая истинный восторг от красоты и проникновенности игры. Вот только вера эта в презумпцию качества искусства (вещь для театрального критика необходимая) как-то стремительно истончается по мере последовательного погружения в «репертуарный лист», как он на театральном сайте с вызывающей архаичностью именуется. И особого желания поверить свои предположения «опытным путем» также – покаемся – не наблюдается. И дело тут вовсе не в конкретной, хотя и порядкомстораживающей «Тетке». Любую «Тетку» можно пережить, более того, «Тетка», со вкусом и хотя бы с некоторыми приметамивикторианского стиля поставленная, безусловно, имеет право на существование (одними условиями Прилепиным с Алексиевич сегодня, наверно, сыт не будешь – в самом прямом смысле слова). Дело в контексте, способном самую веселую комедию выставить в весьма невыгодном свете. Или, проще выходясь, в репертуарной политике.

Всякая вдумчиво и оригинально проводимая политика – будь то внешняя, внутренняя, или экономическая – заслуживает внимательного изучения. Безотносительно итоговых результатов, на которые может повлиять множество привходящих факторов. Репертуарная политика, пускай и самая впечатляющая разнообразием имен и прелестями первооткрытий, сама по себе – тоже не панацея. В театре, как мы хорошо знаем, есть вещи поважнее, чем изобретательно составленная афиша. Но даже если предположить, что «Михаэль Кольхаас», значащийся в частично приведенном нами репертуаре № 2, поставлен из рук вон плохо, что тамошняя уэльбековская «Покорность» отнюдь не покоряет, а «Идиот» выглядит, не говоря дурного слова, не слишком умно, этот немецкий – о чем, конечно, сразу же догадались наиболее проницательные из наших читателей – театр (в котором нам прежде также не доводилось бывать) всячески манит и притягивает к себе. И не только за счет приглашенных мультимедийных «Шалостей».

А все потому, что в этом далеко не самом именитом и богатом на всегермански громкие премьеры шаушпильхаусе³ по тамошнему обыновению кипит жизнь, – и не просто некая отвлеченно прекрасная жизнь «чистого искусства» вне времени и пространства, но такая, что крепко стоит ногами и внятно ощущает себя в дне сегодняшнем, в своем родном городе, в здесь и сейчас конкретного культурно-исторического момента.

Возвращаясь же – без особого энтузиазма – к театру № 1, мы должны будем признать, что, только благодаря наличию в его афише пьесы Ю. Полякова «Как боги», этот «репертуарный лист» опознается как

³ Достаточно сказать, что на главном ежегодном смотре достижений немецкоязычного театра – фестивале Theatertreffen он был представлен за последние 20 лет всего лишь трижды, в то время как ряд иных коллективов из германской глубинки смогли попасть в программу престижного смотра по 10 и более раз.

принадлежащий нашему времени. Без нее мы бы никоим образом не смогли определить, какое у этих, наверняка, милых и, не исключаем, талантливых людей «тысячелетие на дворе»: весной ли 2016-го все происходит, или, скажем, осенью 2003-го? Об определении же сколько-нибудь точных географических координат не стоит и помышлять. Стройные шеренги «Очень простых историй» (хорошая пьеса, кто бы спорил – но неужели за полтора десятилетия, миновавших со времени ее написания, вся русская драматургия не смогла родить ничего, что было бы востребовано нашими театрами хотя бы даже и вполтину реже всеерьез и надолго покрывшей театральную Россию пьесы Марии Ладоз?!)... Летучие отряды «Бед от нежного сердца» (из тысяч водевилей, написанных в первой половине XIX в. на русском языке, сочинению графа Соллогуба повезло как-то особенно выделиться и воссиять в веках⁴)... Не говоря о целых полках и батальонах всевозможных препустейших «Шикарных свадеб», имя которым – легион, вот уже какой сезон подряд бодро шагают по огромной стране с запада на восток и с севера на юг, издавая трескучий барабанный бой и, кажется, не испытывая решительно никаких сомнений в перспективах завтрашнего дня.

Окидывая взором российскую афишу, трудно отделаться от впечатления, что функцией ее повсеместного формирования на местах прочно завладела какая-то группа лиц, с достойным куда лучшего применения упорством, бесконечно раскладывающая в нескольких вариациях все один и тот же пасьянс из пяти-шести, много – семи десятков драматических произведений. Ну а если попробовать обойтись

без теории заговора, то все происходящее представляется еще более странным. Неужели же все это достаточно большое число творческих (по штатному расписанию) работников состоит из людей, как на подбор, столь мало осведомленных и – главное – похоже, совершенно не желающих развивать свой кругозор? Надо ли говорить, что сегодня, в век невиданного расцвета информационных технологий, актуальная афиша любого из театров мира достижима с помощью одного компьютерного клика, а проблема контакта с любым из литераторов Земного шара, как правило, также не представляет (стоит только захотеть!) особого труда. А процесс формирования репертуара, похоже, сплошь и рядом происходит по известному принципу: «Говорят, в соседней губернии эта комедия пользовалась грандиозным успехом... публика животки надорвала... надо ставить, а...»?

«Конечно, и при театрах есть репертуарная комиссия, состоящая вероятно, из людей вполне достойных уважения, – писал без малого столет тому назад один неравнодушный к вопросам “культурного строительства” интеллектуал, – но судя по результатам можно подумать, что выработка репертуара производится следующим образом: каждый актер пишет на бумажках названия до ста любимых пьес <...> и затем устраивается лоттерей (sic! – **А. В.**). Лоттерей еще ничего, возможны счастливые случайности. Гораздо опаснее, если это – признак сознательного курса⁵. Знал бы поэт Михаил Кузмин, менее известный в качестве внимательно-вдумчивого критика, насколько укрепитесь со временем ярко выраженная сознательность и тотальность подобного курса!

⁴ На втором месте (причем с заметным отставанием) водевиль Д.Т. Ленского «Лев Гурыч Синичкин», все прочее наследие жанра современной сцены, за редчайшими исключениями, прочно забыто. И ведь, что интересно, пожалуй, не скажешь, что «Беда...» настолько превосходит остальные русские водевили по своим литературным качествам. Тут, скорее всего, в очередной раз срабатывает известная формула – коллективная авторская характеристика, данная некогда нами одним из приятелей гр. Соллогуба: «мы ленивы и не любопытны». Эта lamentация была бы более чем уместна и в качестве общего эпитафия к данным размышлениям.

⁵ Кузмин М. Репертуарная лоттерей. // Условности. Статьи об искусстве. Пг.: Полярная звезда, 1923. С. 46.

Pro настоящее

Нет, конечно же, не все столь отчаянно безнадежно на российских драматических просторах. Есть коллективы, решительно опровергающие общую апатию и безынициативность. Взять хотя бы невероятно бодрый Красноярский ТЮЗ, сумевший за каких-нибудь пять лет пребывания в его стенах Романа Феодори с командой, резко выдвинуться в число наиболее интересно и динамично развивающихся истинно современных театров страны. Помимо поражающих воображение сценографическим великолепием детских сказок и спектаклей «для семейного просмотра»⁶, здесь ставят таких совсем нечастых в наших пенатах авторов, как Фредерик Бегбедер и Райнер Вернер Фассбиндер (конечно, не «детских»; но для юношества представляющих немалый интерес). И хотя от доставшейся в наследство от «прошлой жизни» «Тетушки Чарлея» (а вдобавок тут шел не так давно и Р. Куни) новое руководство театра сумело избавиться не сразу, наряду с ней, жанрово обозначенной в качестве «музыкальной эксцентрик-комедии» в афише одна за другой стали возникать постановки в жанре «урбанистического антимюзикла», в жанрах «контемпорари данс театра» и «документальной истории». А кроме того, в этой отдельно взятой сибирской театральной точке, расположенной на правом берегу Енисея (в спальном – что немаловажно!) районе, как в каком-нибудь порядочно удаленном от него немецком городе, постоянно – хотя, может быть, пока еще не с немецкой частотой и пунктуальностью – что-то происходит. То «семейные чтения», организуемые в уютном пространстве специально

устроенного в фойе бук-холла для детей и их родителей, то мероприятия «Интерлектория»: «программа лекций и мастер-классов для тех взрослых, кто хочет больше знать и креативно мыслить»⁷ (вот на такую бы программу да отправить бы в принудительном порядке большую часть руководителей наших провинциальных театров), то «интерактивные прогулки по театру», то тренинги и мастер-классы по самым разным сценическим направлениям...

Мест, в которых проистекает «всамделишняя» (как выразились бы персонажи какой-нибудь пьесы для юных зрителей), а не иллюзорная жизнь и, тем более, не ее имитация на нашей карте не так уж и много. Но, по счастью, они есть, и число этих сценических организмов с репертуарным «лица необщим выраженьем» медленно, но верно растет. Каждого из них издали видеть. В соседнем – по российским меркам – Новосибирске с некоторых пор обращает на себя пристальное внимание маленький и гордый театр «Старый Дом», в репертуаре которого (помимо идущего уже десятый сезон старожила – разумеется, «Очень простой истории») соседствуют Камю и Брехт, «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» и «Пер Гюнт», эксклюзивные сценические проекты о новосибирском Академгородке («Элементарные частицы») и музыканте Егоре Летове («Летов»), а также уникальный для периферии пяти-с-лишним-часовой сценический марафон по пьесам Еврипида («Электра»/«Орест»/«Ифигения в Тавриде»), поставленный здесь бесстрашным итальянским режиссером-путешественником Антонио Лателлой.

⁶ Как раз в тот момент, когда пишутся эти строки, их последней по времени «пришествие для глаз» – спектакль «Алиса» по произведениям Л. Кэрролла стал обладателем Специальной премии жюри фестиваля «Золотая маска» с формулировкой «За яркий образец спектакля-феерии».

⁷ <http://www.ktyz.ru/news/tyuz-zapuskayet-novyy-prosvetitel'skiy-proyekt.htm> (дата обращения: 17.04.2016).

Театру, где, как в «Старом доме», всего две сотни зрительских мест в некотором (подчеркнем, в некотором!) смысле легче, чем главным областным театрам с колоннами. Но и среди последних, безусловно первенствующих в деле беззастенчивой эксплуатации творчества Куни и Камолетти, встречаются радующие глаз и ум исключения. Вот прославленная Омская драма, к примеру, никогда не стремившаяся идти изрядно проторенными дорогами, в последние годы, под руководством Георгия Цхвиравы, особенно преуспела по части не только российских, но даже и мировых премьер. Именно здесь, в Омске, к примеру, впервые на русском заговорили герои драмы Трейси Леттса «Август. Графство Осэйдж» и персонажи пьесы Биляны Срблянович «Смерть не велосипед, чтобы ее у тебя украли». А пьеса талантливого современного драматурга Светланы Сологуб «Свет в конце» или сценарий Пьера Паоло Пазолини «Мама Рома» увидели свет рампы как таковой. На афише театра соседствуют такие, мягко говоря, отнюдь не часто ставящиеся и при этом замечательные названия, как «Лжец» К. Гольдони, «Мария» И. Бабеля и «На чемаданах» Х. Левина... Имеется здесь и «Ханума» – куда ж без нее?! – но в данном репертуарном контексте она выглядит вполне уместно. Ведь развлекательную функцию театра никто не отменял – другое дело, что она, разумеется, должна существовать в числе прочих других, разумеется, а не в качестве единственной и тотальной. И потом недаром ведь этот классический грузинский водевиль в свое время решил модернизировать для современной сцены некто иной, как Георгий Александрович Товстоногов – мудрый театральный

лидер, многое понимавший, в том числе, и в репертуарной политике.

Из ряда вон выходящую для сегодняшней провинции установку на оригинальную, не банальную афишу необходимо всячески поддерживать. Подкрепим свою поддержку авторитетом уже цитировавшегося М. Кузмина. «Театр боящийся новинки, – писал он, – <...> систематически возобновляющий старые плохие (часто и совсем плохие) пьесы <...>, – такой театр не имеет никакого оправдания»⁸.

От поэта Серебряного века хочется перейти к поэту века Золотого – в некоторой надежде на то, что великий и достойный куда более лучшей участи российский театр (равно как и его зритель) тоже вступит когда-нибудь, в обозримом будущем, в пору своего золотого расцвета. Для этого нужно не так уж и много. Талантами – во всех сценических специальностях, слава богу, народ не обделен. Вот только тем, от кого напрямую зависит их развитие (и окормление публики, естественно) нужно почаще задаваться таким вопросом: «Разве театр одно промышленное и торговое заведение?» И отвечать на него желательно так, как отвечал себе и окружающим князь Петр Андреевич Вяземский 150 лет назад: «Театр должен быть вместе с тем и прежде всего изящным и просвещенным развлечением публики; кроме того, по возможности нравственным и художественным ее училищем. Не одним прихотям публики должен он себя подчинять. Есть у него и другое высшее призвание. Часто и вопреки ей самой обязан он очищать, облагораживать ее понятия, ее требования и склонности; обязан он возвышать уровень ее вкуса, воспитывать его»⁹.

⁸ Кузмин М. Указ соч. С. 45.

⁹ Цит. по: Кузичева А.П. Театральная критика российской провинции: 1880–1917: коммент. антология. М.: Наука, 2006. С. 211.